
С.А. Гудимова

**МИФ О «ЗОЛОТОМ ВЕКЕ», ОСТРОВАХ БЛАЖЕННЫХ,
ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ**

Аннотация. Представления о мифологических эрах и больших периодах в древних цивилизациях строятся по такой модели: «золотой век» вначале и затем постепенная порча и гибель. Иногда в общую схему неуклонного ухудшения каждой мифологической эпохи вносятся коррективы. Герои и избранные продолжают жить на островах блаженных в вечности.

Ключевые слова: критаяуга; третаюга; двапараюга; калиюга; Гесиод; Гомер; Овидий; Пиндар; острова бессмертных; олам; «будущий век» – вечный и неизменный.

S.A. Gudimova

**The myth of the «Golden age», the islands of the blessed,
time and eternity**

Abstract. Ideas about mythological eras and great periods in ancient civilizations are based on this model: «the golden age» at first and then gradual damage and death. Sometimes in the general scheme of the steady deterioration of each mythological era adjustments are made. Heroes and elected continue to live on the islands of the blessed in eternity.

Keywords: kritayuga; tretayuga; dwaparayuga; kaliyuga; Hesiod; Homer; Ovid; Pindar; the island of the immortals; olam; «the future age» – eternal and unchangeable.

В каждой культуре есть представления о «золотом веке». Согласно японским мифам, это было время, когда деревья умели говорить. Шумеры писали о «золотом веке»:

*Давным-давно, когда змей не было, скорпионов не было,
Гиен не было, волков не было,
Страха не было, ужаса не было,
У человека врагов не было... (цит. по: 6, с. 89).*

Для даосов – это эпоха, когда еще не было расколота «цельное древо жизни» и разбита «белая яшма духа»: «Во времена, когда свойства жизни не терпели ущерба, походка у людей была уверенная, а взгляд – непреклонный. В ту пору в горах еще не было тропок, а на озерах – ни лодок, ни мостов. Все существа жили сообща, и людские селенья лепились друг к другу. Звери и птицы сбивались в стаи, деревья и травы вырастали в полный рост. Поэтому каждый мог приладить поводок к животному или птице и пойти с ним на прогулку, или нагнуть дерево и заглянуть в гнездо вороны или синицы. В те времена люди жили вместе с птицами и зверями, словно потомки одного рода» (1, с. 88).

Римский поэт Овидий (Met. I 89–162) так описывает «золотой век»:

«Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья, / Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду, и верность./ Не было шлемов, мечей, упражнений военных не зная, / Сладко вкушали покой безопасно живущие люди. / Также от дани вольна, не тронута острой мотыгой, / Плугом не ранена, все земля им приносила./ ... Вечно стояла весна; приятный прохладным дыханьем, / Ласково нежил эфир цветы, не знавшие сева. / Боле того: урожай без распашки земля приносила; / Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях, / Реки текли молока, струились и нектара реки, / Капал мед золотой, сочась из зеленого дуба...»

В египетской мифологии счастливая пора – это время, когда правили Осирис и Изида. Как «золотой век» описывается заря мироздания в скандинавской мифологии: только что сотворенный мир гармоничен, люди радостны, все из золота... В Шумере верили в существование страны Тильмун – страны живых, не знающих ни болезней, ни смерти. У древних майя первые люди были проникательны, разумны, красивы.

Представления о мифологических эрах и больших периодах в развитых древних цивилизациях строятся по такой модели: «золотой век» вначале и затем постепенная порча и гибель. Например, в индуистской мифологии описываются четыре мировых периода – юга (др.-инд. уга, «упряжка», «пара», «поколение»): 1) критаяуга – благой век – люди наделены всевозможными достоинствами, не знают горя и болезней; царит всеобщее равенство, все поклоняются одному божеству, существует лишь одна веда; 2) третаюга – справедливости меньше, появляются пороки, но все строго соблюдают религиозные обязанности; 3) двапараюга – зло и пороки начинают преобладать в мире; единая веда делится на четыре части, уже не все способны постичь и исполнить ее; людей поражают недуги; 4) калиюга – жизнь людей коротка и греховна, они истребляют друг друга в войнах; цари грабят подданных, праведники бедствуют, а преступники процветают; в человеческих взаимоотношениях царят ложь, злоба и зависть; веды в полном пренебрежении. Согласно традиции, сейчас идет шестое тысячелетие периода калиюги, начавшейся в пересчете на наше летоисчисление в полночь с 17 на 18 февраля 3102 г. до н. э., и первый день 51 года жизни нынешнего Брахмы (9, II, с. 676).

Иногда в общую схему неуклонного ухудшения каждой мифологической эпохи могут вноситься коррективы. Рассмотрим классическое произведение – поэму Гесиода «Труды и дни». Вот как описывает Гесиод «золотой век»:

*Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотели, трудились, спокойно собирая богатства. –
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того, как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.*

(Перевод В.В. Вересаева)

После исчезновения золотого рода под землей, поочередно являются серебряный, бронзовый роды, племя героев и люди железного века, который признается наихудшим: «Если бы мог я, – пишет Гесиод, – не жить с поколением пятого века! / Раньше его умереть я хотел иль позже родиться».

Интересно проследить, как с лица земли исчезают человеческие роды. Первый род «покрывает» земля. Первые люди становятся добрыми демонами, они «хтонизируются», сливаются с первостихией, землей, от которой они родились (4). Второй род тоже скрывается под землю, третий – в ужасном Аиде. Четвертый род – род героев – помещается у границ земли: «Близ океанских пучин острова населяют блаженных», т.е. они находятся на границе между верхним и нижним мирами. Гибель этого племени объясняется войнами и борьбой, которую они постоянно вели: «Грозная их погубила война и ужасная битва. / В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили, / Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных; / В Трое другие погибли, на черных судах переплывши / Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские».

Пятый род, род железного века, современный поэту, расценивается как наихудший. Его уничтожению будут предшествовать всяческие знамения, несчастья и общее моральное разложение: «К вечным богам вознесутся тогда отлетевши от смертных, / Совесть и Стыд».

Важно отметить следующее: о втором поколении говорится, что «было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью»; о третьем – «ни с чем поколеньем несхожее прежним». Это отличие по внешнему виду указывает на неустойчивость человеческой формы, ее неопределенность и неукрепленность. О четвертом роде говорится, что он был справедливее прежних и лучше, т.е. традиционная линейная схема деградации нарушается. Резкое ухудшение наступает с приходом пятого рода – «железных людей».

Эсхатологические предсказания по поводу последнего рода конструируются по мифологическому принципу: если так было в прошлом, то значит, так и будет в будущем. Сам факт, что четвертый род справедливее и лучше третьего и не скрывается в земле, а помещается у пределов земли, на островах блаженных, свидетельствует о «нарушении» мифологической повторяемости, о большей, по сравнению с предыдущими родами, «устойчивости» (4). Предшествующие роды в какой-то момент, в силу какого-то естественного процесса втягивают-

ся землей. Земля забирает их обратно, словно «протестуя» против их «отделенного» существования. В отношении героев этому «забиранию-втягиванию» полагается предел.

То, что Совесть и Стыд оставляют землю и возвращаются на Олимп, в божественную сферу, может истолковываться как свидетельство прогрессирующего отдаления Творца от своих творений, которое вначале проявляется как всеобщее «оскудение»: «Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды / Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет». Это новое состояние – состояние неопределенности вызывает эсхатологическое беспокойство и эсхатологические предсказания.

М. Евзлин (4) обращает внимание на еще одну интересную деталь: у Гесиода совершенство первых людей связано со стихийностью, и умирая, как будто объятые сном, они возвращаются в первостихию. Первый род человеческий, несмотря на все свое внешнее совершенство, не обладает душой, а следовательно, и устойчивостью. Одна из целей древних обрядов посвящения и освящения того или иного строения – создание души, с присутствием которой связывается прочность, долговечность, устойчивость.

Это мифологическое представление достаточно прочно вошло в литературу. Приведем лишь один пример. Немецкий писатель, автор рыцарских романов Фридрих де ла Мотт Фуке (1777–1843) использует эту мифологему в своей знаменитой повести «Ундина», которая известна в России в переложении Жуковского. Итак, Ундина рассказывает рыцарю: «Знай же мой любимый, что стихии населены существами, по виду почти такими же, как вы [...] все прекрасное, чем владел старый мир и чем новый недостоин насладиться, все это укрыли волны [...] Те, кто там обитает, прекрасны и пленительны, прекраснее, чем люди. [...] Мы были бы гораздо лучше вас, прочих людей, – ибо мы тоже зовем себя людьми, да ведь мы и в самом деле люди по облику и сложению, – но в одном мы хуже вас. Мы и подобные нам порождения других стихий бесследно рассыпаемся в прах духом и телом [...] у нас нет души, стихия движет нами [...] Однако все на свете стремится на более высокую ступень».

Во всех культурах сказания о любви земного юноши и водной девы глубоко трагичны: их любовь не может победить смерть, их души не могут слиться на небесах.

Итак, кто же достоин поселиться на островах блаженных? Согласно греческой мифологии, Гомеру и Гесиоду, – это четвертый род –

род героев, воевавших под Фивами и Троей. Гомер в «Одиссее» (Od, IV'560) пишет:

*Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
В конепитательном Аргосе ты не подвергнешься смерти.
Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым
Крайним пределам земли, где живет Радамант русокудрый.
В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает. {565}
Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.
Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира
Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.
Ибо супруг ты Елены и зятем приходишься Зевсу.*

(Перевод В.В. Вересаева)

У Гесиода в «Трудах и днях» говорится:

*Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит.*

(Перевод В.В. Вересаева)

Аналогичную картину рисует и Пиндар в «Олимпийских песнях», одна из них так и называется «Остров Блаженных»:

*Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь
Там, где под солнцем вечно дни – как ночи и ночи – как дни.
Силой рук своих
Они не тревожат ни землю, ни морские воды,
Гонясь за прожитком;
Радостные верностью своей,
Меж любимцев богов
Провождают они беспечальную вечность;
А для остальных –*

*Муки, на которые не подымется взор.
Но те, кто трижды
Пребыв на земле и под землей,
Сохранили душу свою чистой от всякой скверны,
Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона
Остров Блаженных
Овеивается там вейнями Океана;
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками.
Там они обвивают руки венками и цепями цветочными
По правым уставам Радаманфа,
Избранного в сопредельники
Горним отцом, супругом Реи, чей трон превыше всего.
Там Пелей, там Кадм,
И туда вознесла Ахилла
Мать его, тронув мольбами Зевсово сердце...»*

(Перевод М.Л. Гаспарова)

В китайских преданиях существует образ трех священных остров-гор, служивших обителью небожителей. (Всего, по даосским верованиям, насчитывается 36 небесных пещер и 72 счастливые страны, которые рассматриваются как райская обитель.)

В исторических записках Поднебесной говорится, что в море-океане стоят три священных горы. Обитают на них бессмертные-сяни. Существуют легенды, в которых подробно описываются острова бессмертных. В восточной части залива Бохай, далеко-далеко от берега находится большая бездонная пропасть, называемая Гуйсуй. Воды всех рек, морей, океанов и даже небесной реки (Млечного Пути) текут в нее и поддерживают постоянный уровень воды, не повышая и не понижая его. Около Гуйсуй, согласно преданиям, было пять священных гор: Дайюй, Юаньцзяо, Фанчжан, Инчжоу и Пэнлай. Окружность каждой из них – 30 тыс. ли, плато на вершине – 9 тыс. ли, горы отстоят друг от друга на 70 тыс. ли. Все строения там из золота и нефрита, все звери и птицы священного белого цвета. После цветения на деревьях появлялись нефритовые и жемчужные плоды, которые были хороши на вкус и приносили бессмертие тем, кто их ел.

Бессмертные одевались в белые одежды, на спине у них росли маленькие крылья. Маленьких бессмертных часто можно было видеть

свободно летящими в голубой лазури неба над морем подобно птицам. Они летали от горы к горе, разыскивая своих родственников и друзей. Их жизнь была веселой и счастливой.

Острова эти свободно плавали в море, что причиняло бессмертным беспокойство, когда поднимались сильные волны. Тогда бессмертные обратились с жалобой к небесному владыке Тянь-ди. По его приказу дух моря Юй-цян послал в море 15 гигантских черепах, чтобы они держали горы на головах. Одна черепаха держала на голове гору, а две другие поддерживали ее. Так продолжалось 60 тыс. лет. Но затем великан из Лунбо напал на священные острова и поймал на крючок шесть черепах. Лишенные опоры, две горы – Юаньцзяо и Дайюй унесло в северный океан, где они затонули. Остались Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу.

Когда люди на земле узнали столь прекрасные и таинственные горы, все захотели побывать на них. Иногда ветер пригонял близко к этим священным горам суденышки рыбаков и рыбачек, ловивших рыбу вблизи берега. Бессмертные приветливо встречали гостей. Затем, пользуясь попутным ветром, рыбаки благополучно возвращались домой. И вскоре в народе стали распространяться слухи о том, что у жителей тех гор хранится лекарство, дающее людям бессмертие.

Некоторые императоры Древнего Китая снаряжали специальные экспедиции на поиски священных островов. Существовало представление о том, что Пэнлай и две другие горы издали напоминают тучи. Но когда люди приближаются к ним, горы-острова уходят под воду.

Как правило, эти легендарные острова находятся в море-океане и недоступны для смертных. Правда, пифагорейцы считали, что острова блаженных – это Солнце и Луна. А манихеи называли Солнце и Луну «световыми кораблями». Луна непрерывно вытягивает из подлунного мира частицы небесного света (души) и постепенно передает их по невидимым каналам «большому кораблю» – Солнцу. Очищенные души людей отправляются на этом корабле в эон жизни и страну блаженных.

В описаниях чудесной страны, типа островов блаженных, в греческой мифологии отмечается либо отсутствие календарных изменений, либо их полная упорядоченность, симметричность, либо удлинение календарных мер. В первом случае говорится, что в блаженной стране нет смены времен года, а стоит вечная весна, всегда дует один и тот же ветер, например Зефир (нежный, мягкий бог западного ветра), нет вчера и завтра, потому что стоит незакатное солнце, вечный полдень

или вечные предрассветные сумерки. Во втором случае отмечается, что день в точности равен ночи, и т.п. В третьем случае рассказывает, например, что эфиопы прибывают на счастливый остров и проводят там 600 лет, а за это время на их родине, куда они затем возвращаются, сменяется 20 поколений.

В традиционной народной культуре славян время может быть добрым и злым, чистым и нечистым, опасным и благоприятным. Выбор «правильного» времени – неперемнное условие успеха любого начинания: сева, жатвы, закладки дома, сватовства и т.д.

Традиционной народной культуре свойственно особое отношение ко времени. Его можно «спрессовывать» и растягивать, им можно управлять и его можно использовать как магическое средство воздействия на окружающий мир.

Древнерусские летописные сборники, западнославянские хроники и энциклопедические своды пестрят статьями о диких народах, живущих на краю ойкумены, куда они были заброшены в наказание за свою вину перед Богом. От обычных людей «собакоголовые», полулюди-полурыбы и другие монстры отличаются не только внешностью, но и ритмом своей жизни. Существует русское поверье о том, что в далеком царстве Лукоморье люди умирают на зиму и воскресают весной. Период их «сезонной» смерти длится с осеннего Юрьева дня (26. IX. ст. ст.) до весеннего Юрьева дня (23. IV. ст. ст.), т.е. захватывает время между осенним «замыканием» и весенним «раскрытием» земли, когда хтонические животные уходят в ирей. Лісові люди украинских легенд сидят зимой неподвижно, примерзнув к земле сосульками, образующимися из текущей у них из носов воды. Рассказ об умирающих на зиму людях был внесен в один из азбуковников XVII в., где они названы необычным именем орионы. Они отличаются от обычных людей лишь тем, что умирают на два зимних месяца (10).

Согласно китайским мифам, на окраинах Поднебесной были страны крылатых, яйцекладущих, длинноногих, длинноруких, псеглазцев, огнедышащих, одноруких, ходивших на цыпочках, великанов, карликов, волосатых, одноглазых, трехликих, свинойрылых, чернотубых, длинноухих и пр. В государстве Динлин жили богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами. Жители страны Хужэнь могли подниматься на небо и спускаться на землю, у них были человеческие лица и рыбы хвосты. По преданию, все эти народы жили от 300 до 18 тыс. лет, а некоторые достигли бессмертия. Люди страны без потомства питались иногда одним воздухом, иногда мелкой ры-

бешкой, которую ловили в реках, иногда землей и глиной. Они не делились на мужчин и женщин. После смерти их зарывали в землю, но сердце у них не переставало биться. Через 120 лет они оживали и снова наслаждались радостями жизни. Их смерть была лишь долгим сном, они оставались бессмертными, и страна их процветала (12).

Хотя время в традиционных культурах ходит по кругу, как стрелки на циферблате, само «переживание» времени различно. А.Н. Зелинский, исследуя идею космоса в буддизме, писал: «Время признается буддизмом, но как смена душевных явлений... если для буддийского микрокосма, т.е. сансары, пространство и время сохраняют свой относительный смысл, то на макрокосмическом уровне нирваны пространство превращается в свою противоположность, т.е. «пустоту», а время – в «отсутствие времени», или в вечность» (5, с. 334).

Для даосов время относительно: оно может вытягиваться, может сжиматься. Даосы говорят: продолжительность времени определяется нашим восприятием. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, коли дух покоен, один день сравнится с тысячей веков, а коли помыслы широки, крохотная хижина вместит в себя целый мир. Китайцы жаждали физического бессмертия, но не интересовались вневременным, потому что их картину мира образовывал и создавал принцип постоянных изменений, сформулированный в одной из самых старых в мире книг – «Ицзин».

У греков, отмечает А.Ф. Лосев, время «лишено гомогенности и хронологической последовательности... Мир воспринимается и переживается древними греками не в категориях изменения и развития, а как пребывающий в покое или вращении в великом кругу» (8, с. 30). Пространство играло для греков значительно большую роль, чем время, они мыслили пространственными категориями. У Платона и Плотина время и вечность представлены как взаимно отраженные образы. Время есть подвижный образ вечности, вечность – неподвижный образ времени.

Для ветхозаветного человека бытие – это участие в живом потоке событий, потоке времени, который обозначается всеобъемлющим еврейским понятием *olam*. «Олам» – это бесконечный поток времени, вмещающий все существующее. Бог открывался пророку в «оламе». «Отношение библейской традиции ко времени двойственно, – пишет В.В. Бычков. – С одной стороны, Бог открывается во времени, поэтому устремления древних евреев связаны с ожиданием лучшего будущего, а с другой – Бог все же находится вне времени, над ним; время –

его творение и, следовательно, стоит вне ряда абсолютных ценностей» (2, с. 23).

Христианская идея восхождения, отмечает А.Я. Гуревич, «распрямляет» время, «растягивает» его в линию и вместе с тем «создает напряженную связь времен» (3, с. 100). Только Бог, по мнению апологетов, вечен, для людей же время протекает линейно: от прошлого через настоящее к будущему (в природе происходит замкнутый круговорот всех процессов и явлений). Бог, по мнению Тертуллиана, устроил для бытия мира два периода: первый, протекающий во времени, в котором мы сейчас живем, и второй – вечный, общий с божественным бытием, которого мы ожидаем. Все чаяния христиан направлены к этому «будущему веку», вечному и неизменному (2, с. 123). Духовным ориентиром христианства следует признать вечность. Благодаря вере в акт творения вечность для христиан стоит за прошлым; благодаря вере в воскресение мертвых – за будущим; благодаря вере в силу молитвы, таинства и чудеса – за настоящим.

Основание для современного математико-физического понимания времени заложили идеи Николая Кузанца, развитые позднее Кеплером и Лейбницем. Закладывая основания наук, пишет Кузанец, разумная душа открывает в себе две стороны творческой способности: в ней самообнаруживающийся дух вступает во время, оставаясь при этом за пределами времени как простой последовательности моментов «теперь».

Ведь дух – творец и источник научного знания – не пребывает во времени, скорее, время находится в нем. Именно человек, благодаря своему интеллекту, создает «инструменты измерения времени» – год, месяц, час. Как глаз относится к зрению, так и время относится к душе. «Разумная основа души... не зависит от времени; наоборот, основа измерения движения, называемая временем, зависит от разумной души» (цит. по: 7, с. 54).

Список литературы

1. Антология даосской философии. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1994. – 447 с.
2. Бычков В.В. *Aesthetica Patrum*. Эстетика Отцов Церкви. – М.: Ладомир, 1995. – 593 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 318 с.
4. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: Радикс, 1993. – 337 с.

5. *Зелинский А.Н.* Идея космоса в буддийской мысли // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1973. – Вып. 15. – С. 331–334.
6. История всемирной литературы: В 9 т. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – 583 с.
7. *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.
8. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: (ранняя классика). – М.: Высшая школа, 1963. – 583 с.
9. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 719 с.
10. *Толстая С.М.* Время как инструмент магии: Компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 28–35.
11. *Толстой Н.И.* Времени магический круг: (По представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 17–27.
12. *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. – М.: Наука, 1965. – 496 с.

References

1. Antologia daoskoy filosofii. – М.: Tovarischestvo «Kalashnikov – Komarov i K», 1994. – 447 s.
2. *Bychkov V.V.* Aesthetica Patrum. Estetika Otsov Tserkvi. – М.: Ladomir, 1995. – 593 s.
3. *Gurevich A. Ya.* Kategorii srednevekovoy kultury. – М.: Iskusstvo, 1984. – 318 s.
4. *Evzlin M.* Kosmogonia i ritual. – М.: Radiks, 1993. – 337 s.
5. *Zelinskiy A.N.* Ideya kosmosa v buddiyskoy mysli // Strany i narody Vostoka. – М.: Nauka, 1973. – Вып. 15. – С. 331–334.
6. Istoria vsemirnoy literatury: V 9 t. – М.: Nauka, 1983. – Т. 1. – 583 s.
7. *Kassirer E.* Izbrannoe: Individ i kosmos. – М.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. – 654 s.
8. *Losev A.F.* Istoria antichnoy estetiki: (ranyaya klassika). – М.: Vysshaya shkola, 1963. – 583 s.
9. Mify narodov mira: Entsiklopedia: V 2 t. – М.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1991. – Т. 1. – 671 s.; Т. 2. – 719 s.
10. *Tolstaya S.M.* Vremya kak instrument magii: kompressia i rastyagivanie vremeni v slavyanskoy narodnoy traditsii // Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk i vremya. – М.: Indrik, 1997. – С. 28–35.
11. *Tolstoy N.I.* Vremeni magicheskyy krug: (po predstavleniyam slavyan) // Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk i vremya. – М.: Indrik, 1997. – С. 17–27.
12. *Yuanj Ke.* Mify drevnego Kitaya. – М.: Nauka, 1965. – 496 s.